

верст будет. И жил тут полтора года на море с детьми, промыслял рыбу и кормился, благодаря бога. И иные добрые люди, светы, с голоду не уморили, Божиим мановением» (327—378).

Этот текст вполне соответствует историческим фактам: Аввакума в 1664 г. действительно сослали в Пустозерск, а в Мезени он оказался случайно, в силу того, что до Пустозерска было не добираться.

В других редакциях Жития этому отрывку соответствует весьма краткое сообщение: «Да и повезли на Мезень. Надавали были во имя Христово, добрые люди кос-чево много, — все тут осталось; токмо з женою и детьми и домочадцы потащили. А и по городам людей божиих учил, а их обличал, пестрообразных зверей. И привезли на Мезень. Полтора года держав...» (121—122).

Здесь нет «не работающих» на художественное задание деталей, оставлено лишь самое главное из событийной канвы. И в этом случае, хотя он кажется противоположным рассмотренным выше, мы наблюдаем осуществление того же самого принципа художественного воссоздания действительности, который в Прянишниковском списке не является основным и последовательно выдержанным.

Текст Прянишниковского списка иногда более «откровенный», как будто еще недостаточно обработанный автором, написанный сгоряча и отражающий его действительные мысли и чувства.

Сравним описание заключения Аввакума в Братском остроге. В Прянишниковском списке: «Таже привезли в Братской острог, кинули больнова в студеною башню. И сидел до рожества Христова, мерзнул на морозе семь недель. Только и одежды кровавое кафтанничко, да бог грел: в сололке лежал; да после шубенко дали, утомя гораздо. Гной по всему и вши, и мыши, и стужа, и ясти хочется. В щелку гляжу, а у Пашкова-таво прыгут да жарят и носят на блюдах, и пьют, и веселятся. А ко мне никто не заглянет, ничево не дадут — дураки! Я бы хотя блюдо то полизал или помоев-тех испил, — льют на землю, а мне не дадут. Всяко бродит на уме-том...» (320).

В других редакциях Жития этот эпизод включен в систему христианского мировоззрения Аввакума; вслед за «бунтом» его — ропотом на бога за несправедливое наказание — возникает чувство раскаяния, и кротость героя становится искуплением его вины. В них сцена заключения Аввакума — благодатная: «Посем привезли в Брацкой острог и в тюрьму кинули, соломки дали. И сидел до Филипова поста в студеной башне; там зима в те поры живет, да бог грел и без платья. Что собачка, в сололке лежу: коли накормят, коли нет. Мышей много было, я их скуфьею бил, — и батюшка не дадут дурачки! Все на брюхе лежал: спина гнила. Блох да вшей было много. Хотел на Пашкова кричать: «прости!» — да сила божия возбранила, — велено терпеть» (А, 24—25, ср. Б, 106).

Эта «откровенность» Аввакума проявляется во многих местах Прянишниковского списка. Только здесь Аввакум сообщает, что он сам подписал в 1652 г. челобитную царю о Никоне, «чтобы ему быть в патриархах» («И я, окаянный, о благочестивом патриархе к челобитной приписал свою руку», 313).

Только в Прянишниковском списке Аввакум называет себя «убийцей» за то, что «молил» бога послать гибель войску Еремея Пашкова («Я им, убийца, молил о том бога», 325). Только в Прянишниковском списке Аввакум «проговорился» о помощи Пашкова при возвращении его из «Даурской земли». Во всех других редакциях Жития читаем: «Перемена пришла, и мне грамота пришла, и он [от] меня утаил, на Русь не отпустил, чаял, меня прикончат. Таже он поехал на Русь, меня не